

THE ORIGINS AND ELEMENTS OF THE CRIME OF GENOCIDE

Leyla Salimova¹

UDC: 341.4

LBC: 67.911.15

HoS: 36

DOI: 10.33864/2790-0037.2024.v5.i3.48-65

Keywords:

Genocide,
Crime,
Trial,
Persecution,
Punishment,
Prevention,
Responsibility,
Concept

ABSTRACT

The article notes that despite the unity among scholars in understanding the content of genocide (massacres and destruction of a group of people), there is no consensus on determining which specific criminal acts are covered by it and which groups of people are subject to its protection.

The article, referring to the 1948 Genocide Convention, states that the definition of the relevant crime does not allow arbitrary interpretation, as it has a specific historical and factual context. In this regard, the formation of a universal concept of genocide involves not only the study of purely legal aspects of this phenomenon, but also the study of its historical factors. The conclusion concluded that genocide is a "product" of the twentieth century, because as an independent criminal act it began to be interpreted and punished from the middle of the century, i.e. after the adoption of the 1948 Genocide Convention.

As a result, the differences between genocide and ethnic cleansing are also analyzed. It is indicated that despite the coincidences, the two concepts have an important difference in their purpose. So, if genocide is directly aimed at destroying a certain group, then ethnic cleansing is aimed at creating an ethnically homogeneous territory.

¹. Doctor of Philosophy in Law,
Lecturer at the Department of International Public Law, Baku State University; Baku, Azerbaijan
E-mail: lleylasalimova@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0001-6359-2857>

To cite this article: Salimova, L. [2024]. The origins and elements of the crime of genocide. *History of Science journal*, 5(3), pp.48-65.
<https://doi.org/10.33864/2790-0037.2024.v5.i3.48-65>

Article history:
Received: 16.02.2024
Accepted: 02.09.2024

SOYQIRIM CİNAYƏTİNİN MƏNBƏLƏRİ VƏ TƏRKİBİ

Leyla Səlimova¹

UOT: 341.4

KBT: 67.911.15

HoS: 36

DOI: 10.33864/2790-0037.2024.v5.i3.48-65

Açar sözlər:

Soyqırım,
Cinayət,
Məhkəmə,
Təqib etmə,
Cəza,
Xəbərdarlıq,
Məsuliyyət,
Konsepsiya

ANNOTASIYA

Məqalədə qeyd edilir ki, alimlərin soyqırımın məğzinin açıqlanmasında vahid nəticəyə əsaslanmasına (kütləvi qırğınlar və insan toplumunun məhvi) baxmayaraq, bu problemin konkret hansı cinayət əməllərini əhatə etdiyi və məhz hansı şəxslərdən ibarət topluluğu müdafiə etdiyi ilə əlaqədar vahid fikir yoxdur.

Təhlildə 1948-ci ilin soyqırımını barədə Konvensiya əsas götürülərək müəyyən soyqırımın təsdiqi üçün əsassız izahların yolverilməzliyi və belə hallarda dəqiq tarixi, faktiki konteksti nəzərə almağın vacibliyi barədə məlumatlar təqdim edilib. Bununla əlaqədar soyqırımın vahid konsepsiyasını formalaşdırmaq üçün bu təzahürün yalnız hüquqi aspektlərini deyil, həm də onun tarixi faktorlarını da öyrənmək məqsəduyğundur. Tədqiqat nəticəsində soyqırımın XX əsr “məhsulu” olduğu bildirilmiş və şəxsi cinayət əməli olaraq bu anlayışın ötən əsrin yarısından, yəni 1948-ci ilin Soyqırım barədə Konvensiyasının qəbulundan etibarən elmi cəhətdən işlənilməyə başladığı qənaəti əldə edilmişdir.

Soyqırım və etnik təmizləmə arasındakı fərq də təhlil edilmiş və bu iki konsepsiyanın öz məqsədi uğrunda vacib fərqlər malik olduğu müəyyənləşdirilmişdir. Soyqırım müəyyən qrupun məhvinə xidmət edirsə, etnik təmizləmə etnik baxımdan vahid ərazinin yaradılmasına yönəldilmişdir.

¹. Hüquq üzrə fəlsəfə doktoru,
Bakı Dövlət Universitetinin “Beynəlxalq ictimai hüquq” kafedrasının müəllimi; Bakı, Azərbaycan
E-mail: lleylasalimova@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0001-6359-2857>

Məqaləyə istinad: Səlimova, L. [2024]. Soyqırım cinayətinin mənbələri və tərkibi. *History of Science journal*, 5(3), səh.48-65.
<https://doi.org/10.33864/2790-0037.2024.v5.i3.48-65>

Məqalənin tarixçəsi:

Məqalə redaksiyaya daxil olmuşdur: 16.02.2024

Təkrar işlənməyə göndərilmişdir: 19.03.2024

Çapa qəbul edilmişdir: 02.09.2024

ИСТОКИ И СОСТАВ ПРЕСТУПЛЕНИЯ ГЕНОЦИД

Лейла Салимова¹

УДК: 341.4

ББК: 67.911.15

№S: 36

DOI: 10.33864/2790-0037.2024.v5.i3.48-65

Ключевые слова:

Геноцид,
Преступление,
Суд,
Преследование,
Наказание,
Предупреждение,
Ответственность,
Концепция

АННОТАЦИЯ

В статье отмечается, что несмотря на наличие среди ученых единства в понимании содержания геноцида (массовые убийства и уничтожение группы людей), нет консенсуса относительно определения того, какие конкретные преступные деяния им охватываются и какие группы лиц являются объектом его защиты.

В статье ссылаясь на Конвенцию о геноциде 1948-го года, сообщено о том, что определение соответствующего преступления не допускает произвольное толкование, так как имеет конкретный исторический и фактический контекст. В этом отношении формирование универсальной концепции геноцида предполагает не только изучение чисто юридических аспектов данного явления, но и предусматривает изучение его исторических факторов. В заключении сделан вывод, о том что геноцид является «продуктом» XX века, потому что как самостоятельное преступное деяние он начал интерпретироваться и наказываться с середины столетия, т.е. после принятия Конвенции о геноциде 1948-го года.

В результате также анализированы различия между геноцидом и этнической чисткой. Указывается, что несмотря на совпадения, эти две концепции имеют важное различие в своей цели. Так, если геноцид прямо направлен на уничтожение определенной группы, то этническая чистка направлена на создание этнически однородной территории.

¹. Доктор философии по праву,
Преподаватель кафедры “Международного публичного права” Бакинского Государственного Университета; Баку, Азербайджан
E-mail: lleylasalimova@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0001-6359-2857>

Цитировать статью: Салимова, Л. [2024]. Истоки и состав преступления геноцид. *Журнал History of Science*, 5(3), с.48-65.
<https://doi.org/10.33864/2790-0037.2024.v5.i3.48-65>

История статьи:
Статья поступила в редакцию: 16.02.2024
Отправлена на доработку: 19.03.2024
Принята для печати: 02.09.2024

1. Введение

В настоящее время геноцид в целом ассоциируется с крупномасштабными убийствами, которые равносильны попытке уничтожения определенной человеческой группы [Harff, 1984, p.3], следовательно, представляет собой особый «тип массового убийства» [Hogowitz, 1980, p.7]. В большинстве своем акты геноцида совершаются в ходе войн и межэтнических конфликтов. Нельзя не согласиться с утверждением, что, «как правило, факторы, детерминирующие геноцид, связаны с сепаратизмом, борьбой за власть или ее удержание, агрессивной политикой государства в отношении части проживающих на его территории этнических и иных социальных групп» [Питулько и др., 2024, с.40].

Несмотря на всеобщее осуждение преступления геноцида, концепция геноцида остается все еще спорной, вызывая противоречивые взгляды и большие разногласия. При этом сама «концепция геноцида развивалась параллельно с развитием концепции юридической ответственности государств за совершение международных преступлений» [Байрамов & Воронцов, 2024, с.109]. Трагические события прошлого вынуждают нас разобраться с его сущностью и последствиями в целях не только осмысленного применения наказания за него, но и разработки средств его предотвращения в будущем.

Самая большая проблема в понимании геноцида заключается в том, что, хотя сегодня существует всеобщее понимание того, что этот термин, как обозначает (массовые убийства и уничтожение группы людей), нет консенсуса относительно определения того, какие действия подпадают под действие этого термина, какие группы являются объектом его защиты. При этом утверждается, что «общим критерием для всех групп может являться уровень определенной стабильности всех без исключения их членов» [Бадамшин & Степанов, 2015, с.156]. Следует особо подчеркнуть, что по замыслу создателей Конвенции о геноциде 1948 года она была призвана как минимум предотвратить совершение новых актов геноцида. Это очень непростая концепция для юристов, особенно в области уголовного права, которые имеют дело с наказанием за уже совершенные преступления.

В современный период, хотя существуют теоретически обоснованные исследования конкретных геноцидов, нет всеобъемлющей теории, которая была бы применима ко всем геноцидам во все периоды истории и во всех режимах и культурах, в которых они происходили. Поэтому в условиях отсутствия последовательной теории геноцида средства эффективной борьбы с порождающими его обстоятельствами являются ограниченными.

2.К истории концепции геноцида

Как уже было отмечено выше, концепция геноцида сформулировалась в ответ на Холокост, постколониальные конфликты и гражданские войны в развивающихся странах. Тем не менее, до югославских гражданских войн начала 1990-х годов международное сообщество неохотно использовало слово «геноцид» к какому-либо конкретному конфликту и, как правило, предпочитало применять, как в случае с Руандой, более абстрактный термин «акты геноцида».

Несмотря на то, что контуры границ государств Европы сложилась в 1648 году, а система безопасности европейских государств начала складываться после первой мировой войны, только лишь после второй мировой войны государства договорились об установлении и применении международно-правовой ответственности за нечеловеческое обращение в отношении представителей этно-религиозных групп. Это стало практиковаться во многом из-за зверств, совершенных создателями «третьего рейха» против мирного населения. Массовые убийства, совершенные

представителями «третьего рейха», послужили катализатором для определения специального преступления, получившего название «геноцид» и отраженного в суждениях Р.Лемкина [Quigley, 2006, p.5]. В этой связи нельзя не согласиться с мнением Курта Ламбрехта, что использование альтернативного определения, независимо от того, насколько оно точно теоретически, может растянуть концепцию геноцида таким образом, что это затруднит практику возложения ответственности за геноцид [Lambrecht, 1999, p.16].

Как верно замечает Адам Джонс, «исследователи геноцида занимаются двумя основными задачами. Во-первых, они пытаются определить геноцид и ограничить его концептуально. Во-вторых, они стремятся предотвратить геноцид, что подразумевает понимание его сравнительной динамики и разработку профилактических стратегий, которые могут применяться в чрезвычайных ситуациях» [Jones, 2006, p.15].

Скотт Штраус выделяет следующие четыре основные направления изучения геноцида: 1)сравнительное изучение геноцида, 2)учет типа политического режима в контексте совершения геноцида, 3)рационалистические объяснения геноцида и 4)связь между войной и геноцидом [Straus, 2010, p.168]. Некоторые ученые предлагают применить также количественные методы при исследовании геноцида, включая формальные модели теории игр и оценки риска геноцида с использованием статистических методов. Он указывает, что начало новой войны увеличивает риск того, что «чужие» группы будут рассматриваться как враги государства и подвергаться истреблению [Straus, 2010, p.170].

Важным подходом к исследованию геноцида является и применение статистических методов для определения факторов риска геноцида. Так, Метью Крайн отмечает, что гражданская война является сильным фактором начала геноцида, а межгосударственная война и периоды деколонизации также увеличивают их риск. Он указывает, что гражданские войны создают условия, которые позволяют геноцидным движениям и их лидерам прийти к власти [Krain, 2000, p.42].

Наиболее глубокое эмпирическое исследование же риска геноцида в литературе сделала Барбара Харфф. Она отмечает шесть ключевых факторов риска геноцида: 1)масштаб политических потрясений, 2)история предшествующего геноцида, 3)идеология ущемления со стороны правящей элиты, 4)автократический режим, 5)элита этнических меньшинств и 6)низкая открытость экономики [Harff, 2003, p.57].

Следует также отметить и концепцию геноцида, выдвинутую Бенджамином Валентино. Б.Валентино утверждает, что геноцид – это продукт не социальных структур и массовой психологии, а, скорее следствие элитных стратегий [Valentino, 2004, p.9]. Б.Валентино считает, что этническая ненависть или дискриминация, недемократические системы правления и дисфункции в обществе играют гораздо меньшую роль в массовых убийствах и геноциде, чем принято считать. Он показывает, что импульс к массовым убийствам обычно исходит от относительно небольшой группы влиятельных лидеров и часто осуществляется без активной поддержки более широкого общества. Массовые убийства, по его мнению, являются жестокой политической или военной стратегией, направленной на достижение важнейших целей лидеров, противодействие угрозам их власти и решение их самых сложных проблем.

Чтобы охватить весь масштаб массовых убийств в XX веке, Б.Валентино не ограничивает свой анализ насилием, направленным против этнических групп, или попыткой уничтожить группы жертв как таковые, как это делают большинство предыдущих исследований геноцида. Вместо этого он определяет массовые убийства в широком смысле как преднамеренное убийство огромного числа некомбатантов, используя критерий 50.000 или более смертей в течение пяти лет в качестве количественного критерия.

В соответствии с подходом Б.Валентино, если элиты решают, что геноцид – это лучшая стратегия для достижения своих целей, то они могут таким образом легко реализовать свои решения, поскольку общества встречают такие решения с небольшим сопротивлением. Б.Валентино утверждает, в вопросе предотвращения геноцида это имеет значение, так как легче повлиять на стратегию элит, чем изменить социальные структуры или массовую психологию. Позицию Б.Валентино трудно принять, так как трудно определить степень влияния стратегии господствующей элиты на совершение геноцида. Решение элиты о выборе геноцида в качестве стратегии сами по себе имеют причины. Некоторые из них – такие как история геноцида в обществе – не могут быть изменены, хотя и могут действовать в качестве предупреждающих знаков. Другие – такие как уровень потрясений, глобальная маргинальность и авторитарность – в принципе можно изменить, но с большим трудом.

Наконец, в своей концепции Курт Йонассон и Фрэнк Чалк утверждают, что геноцид – это не изобретение XX века, а совершался на протяжении всей истории во всех частях света. В обоснование своей позиции они представляют более двух десятков примеров одностороннего массового истребления народов, начиная от античности до наших дней. Включая политические и социальные группы в качестве потенциальных жертв, К.Йонассон и Ф.Чалк дают определение геноцида, которое значительно шире, чем то, которое содержится в Конвенции о геноциде 1948 года. Они представляют типологию геноцида в соответствии с мотивами преступника: устранение предполагаемой угрозы; установление страха среди реальных или потенциальных врагов; приобретение экономического богатства; или реализация убеждения или идеологии [Jonassohn & Chalk, 1987, p.12].

В своем исследовании К.Йонассон и Ф.Чалк показывают, какую роль сыграли первые три мотива в создании и поддержании империй. Они отмечают, что с тех пор, как империи почти исчезли, эти три типа геноцида стали редкими, и что идеологический геноцид стал самым важным типом геноцида в XX веке [Jonassohn & Chalk, 1987, p.14-15].

Полагаем, что вышеуказанная позиция имеет два важных изъяна. Во-первых, все же геноцид является «продуктом» XX века, уже из-за того, что как самостоятельное преступное деяние он начал интерпретироваться и наказываться в мировом масштабе с середины столетия, т.е. после принятия Конвенции о геноциде 1948 года. Все указанные данными авторами преступления полностью подпадают под понятие «массовая резня», тем более, что в свое время политическая и идеологическая составляющая этих масштабных убийств не была так ярко выражена. Данный подход находит поддержку и в научной среде, некоторые представители которого называют XX столетие «эрой геноцида» [Порецкова, 2016, с.158].

И, во-вторых, мы в корне не согласны с включением политических групп в качестве потенциальных жертв преступления геноцида (это находит свое четкое правовое подтверждение в тексте Конвенции о геноциде 1948 года) и твердо стоим на позиции, что преступные действия, совершенные в ходе противодействия деятельности военно-политических групп не должны быть наказуемы как преступление геноцида, а повлечь преследование за совершение преступления в виде массовой резни. Данная позиция находит и поддержку среди других ученых, считающих, что перечень указанных в Конвенции защищаемых групп и сегодня является исчерпывающим и исключает расширительную интерпретацию [Akhavan, 2012, p.145].

Геноцид был и остается «одиозным бедствием» [Schabas, 2006, p.93] человечества, но в настоящее время он не применим к преступлениям против политических групп. Когда используется термин «геноцид», сразу возникают

ассоциации массовых убийств, подобные тому, которое наблюдалось в Руанде и во время Холокоста. Однако использование термина «геноцид» и применение его к преступлениям против политических групп чревато проблемами, ведь «геноцид» не всегда относится к уничтожению нации или народа. Согласно Р.Лемкину, разработчику элементов данного преступления, этот термин также означает «скоординированный план различных действий, включая дезинтеграцию политических и социальных институтов, культуры, языка, религии и экономического уклада национальных групп» [Lemkin, 1944, p.79].

Уильям Шабас утверждает, что «для установления факта совершения геноцида не требуется никаких доказательств государственной причастности, политики или плана; он может быть даже совершен отдельным лицом, действующим в одиночку. Что касается тех, кто участвует в преступлении геноцида, прокурорам не нужно доказывать, что у них действительно было намерение совершить геноцид, если они каким-то образом были соучастниками преступления» [Schabas, 2006, p.102].

«Несмотря на то, что в качестве объекта геноцида выступает соответствующая группа, – как верно замечает Герхард Верле, – она всегда происходит посредством нападений на отдельных его членов» [Werle, 2005, p.199]. В этом смысле нападение на жертву происходит не из-за ее индивидуальности, а скорее потому, что она является членом группы, выбранной для уничтожения. С учетом того, что группы состоят из индивидуумов, и поэтому разрушительные действия направляются против отдельных индивидуумов. Для преступника потенциальная жертва выступает как объект посягательства не из-за своих индивидуальных качеств, а исключительно из-за ее принадлежности к соответствующей группе в аспекте того, что гибель отдельного члена группы (ближайшая цель) способствует уничтожению группы (конечная цель) [Broadhead, 2024, p.93].

Бен Саул особо отмечает, что геноцид заметно отличается от других противоправных действий, поскольку должно быть то, что называется «*dolus specialis*» (особое намерение) [Saul, 2001, p.495]. Геноцид – это преступление с двойным психическим элементом, т.е. общим намерением в отношении основных действий и скрытым намерением в отношении конечной цели уничтожения группы. Преобладающая в судебной практике точка зрения интерпретирует соответствующее требование «намерения уничтожить» как особое или конкретное намерение (*dolus specialis*), подчеркивающее его волевое или целенаправленное стремление [Ambos, 2009, p.833-834]. Преступные действия проистекают из особого намерения провести дискриминацию по признакам, перечисленным в определении геноцида. Это особое «дискриминационное намерение» является отличительной чертой и обязательным правовым элементом данного преступления.

Таким образом, уголовное преследование геноцида отличается от других преступлений против человечности тем, что дополнительно требует доказательства намерения преступника причинить вред жертве на основе его принадлежности к определенной группе. Дискриминационное намерение является дополнительным к намерению преступника совершить каждое из основных уголовно преследуемых действий.

Самое главное, дискриминационное намерение не является обязательным требованием в отношении нападения на гражданское население и его систематического или широкомасштабного характера, поскольку с вводными элементами преступлений против человечности. Как и в случае всех других основных преступлений против человечности, для преступления геноцида достаточно того, что преступник должен знать о нападении на гражданское население и о том, что его действия являются частью этого нападения.

Знание конкретных подробностей нападения на гражданское население со стороны исполнителя не является обязательным. Аналогично, мотивы участия преступника в нападении не имеют отношения к делу. Преступнику не обязательно разделять цель нападения, он может действовать исключительно по личным причинам.

Хотя дискриминационное намерение не может быть выведено исключительно из общего дискриминационного характера нападения на гражданское население, оно может быть выведено из контекста, т.е. обстоятельства совершения геноцида могут подтверждать наличие такого намерения. Обстоятельствами, которые могут быть приняты во внимание, выступают систематический характер преступлений, совершенных против определенной группы, а также общее отношение преступника, продемонстрированное его поведением.

В соответствии с нынешним пониманием международно-правовой науки и практики, геноцид является обобщающим термином пяти различных деяний (их иногда называют и способами совершения геноцида), перечисленных в статье II Конвенции 1948 года, совершенных с конкретным «намерением». Конкретное намерение можно вывести из косвенных доказательств, включая действия и слова преступника. При отсутствии признания обвиняемого его намерение может быть выведено из общего контекста совершения других виновных деяний, систематически направленных против той же группы. Другими факторами для установления этого намерения могут быть: масштаб совершенных злодеяний; их общий характер; их исполнение в определенном регионе или стране; факт преднамеренного и систематического преследования жертв из-за их принадлежности к определенной группе, при этом исключая членов других групп; наличие политической доктрины и формирование идеологии, которые привели к указанным деяниям; повторение разрушительных и дискриминационных деяний; совершение действий, которые нарушают саму основу группы и др. Однако, даже если само действие кажется преступным, если оно было чисто случайным или совершено без умысла причинения вреда или знания о обстоятельствах, то обвиняемый считается невиновным в совершении геноцида. Другими словами, орган правосудия не вправе признать лицо виновным в совершении данного преступления, если только у него нет четко выраженного намерения.

Системы уголовного права современных стран устанавливают уровни вины, более или менее основанные на умственном элементе, даже если основное деяние идентично. Убийство является классическим примером, поскольку практически все системы уголовного права признают формы вины только на основании различий в психическом элементе.

Международное право и геноцид. Как гласит решение Судебной палаты по делу Крстича, «международное право ограничивает определение геноцида деяниями направленными на биологическое уничтожение всей или части группы» [The Prosecutor v. Krstić, 2001, §580]. Другими словами, дефиниция геноцида должна быть дана исключительно на основе физико-биологического подхода [Кошкин, 2022, с.14]. «Уничтожение» является признаком *mens rea* геноцида (т.е. намерения уничтожить определенную группу). Демонстрация конкретного намерения требует (в качестве необходимого условия) доказательства намерения преступника уничтожить группу в соответствующем смысле. Составители Конвенции о геноциде 1948 года включили в ее текст только физически и биологически разрушительное поведение. Физическое уничтожение относится к материальному искоренению группы и ее членов. Биологическое уничтожение – это уничтожение посредством ограничения репродуктивных возможностей. В этом случае это может быть менее непосредственной формой уничтожения. В то время как убийство, причинение

тяжких телесных повреждений или умственного расстройства, а также создание условий жизни, рассчитанных на физическое уничтожение, наиболее четко вписываются в первый тип, принятие мер, направленных на предотвращение деторождения, и насильственная передача детей попадают в категорию биологического уничтожения и осуществляется «путем искусственного прерывания беременности, вакцинации, кастрации или стерилизации, вследствие чего определенная группа населения просто вырождается, не имея потомства» [Любунец & Усова, 2024, с.387]. При этом «воспрепятствование деторождению может происходить не только с применением насилия, но и путем обмана и злоупотребления доверием, когда членам какой-либо демографической группы внушается мысль о необходимости таких операций, как стерилизация, кастрация или прерывание беременности» [Григорьева, 2023, с.67].

Чтобы быть осужденным за геноцид, целью преступника должно быть уничтожение защищенной группы. Лежащее в основе деяния лица «общее преступное намерение» может преследоваться по закону, но наказание за преступление геноцид требует, чтобы лицо не только причинил вред члену группы, но и сделал это с целью уничтожить группу. Вышеизложенное суммирует значение конкретного намерения, но, что, возможно, еще важнее, оно подчеркивает существенную роль, которую в нем играет уничтожение. «Намерение уничтожить» означает особое или конкретное намерение, которое, по сути, выражает волевой элемент в его наиболее интенсивной форме и основано на цели» [Ambos, 2009, p.838]. При этом, в соответствии с подходом авторитетных специалистов международного уголовного права, при применении «количественного фактора» в процессе уголовно-правовой квалификации соответствующего деяния следует учесть, что намерение преступника убить всего нескольких членов соответствующей группы не может интерпретироваться как геноцид [Schabas, 2004, p.39].

В рамках национального законодательства закрепление преступления геноцида как такового редко является необходимым для того, чтобы национальные преступники были осуждены и наказаны. Даже если геноцид как таковой не будет законодательно закреплен, он подлежит судебному преследованию за деяния, описанные в подпунктах статьи II Конвенции о геноциде 1948 года.

Устанавливая наказание за преступление геноцида, государства отграничивают его от обычного убийства. «Обычное» убийство обычно подвергает преступника максимальному наказанию, доступному в национальной правовой системе, как правило, длительному тюремному заключению, что оставляет мало возможностей для применения еще более суровых санкций. В двух крупнейших делах за совершение преступления геноцид, рассмотренных в рамках национального судопроизводства (в деле Адольфа Эйхмана в Израиле в 1961 году и в отношении руандийских актов геноцида в 1998 году), смертная казнь была вновь введена после периода их фактической отмены в целях разрешения этой проблемы.

В свое время составители Римского статута Международного уголовного суда были первыми, кто предпринял попытку разработки психического элемента тяжких международных преступлений, включая геноцид. Ст. 30 Статута определяет, что ментальный элемент (*mens rea*) геноцида состоит из двух компонентов: знания и намерения. Даже без термина «с намерением» в определении геноцида, немислимо, чтобы преступление такого масштаба могло быть совершено непреднамеренно. Требование намерения подчеркивается в самой Конвенции о геноциде 1948 года и подтверждено в ст. 30 Римского статута, что объясняет особый характер преступления геноцида.

Определение *mens rea* в Статуте Международного уголовного суда гласит, что лицо имеет намерение совершить такое деяние, в отношении же последствия лицо

намеревается вызвать такое последствие или осознает, что оно произойдет при обычном ходе событий. Но слова «с намерением», которые указаны во вводной части ст. II Конвенции о геноциде 1948 года, закрепляют больший смысл, чем простую констатацию, что геноцид является умышленным преступлением. Ст. II указанной Конвенции дает точное описание намерения, а именно: «уничтожить, полностью или частично, национальную, этническую, расовую или религиозную группу как таковую». Ссылка на «намерение» в тексте указывает на то, что обвинение должно выйти за рамки установления того, что преступник намеревался совершить такое поведение или намеревался вызвать последствия. Также необходимо доказать наличие у преступника «конкретного намерения» (*dolus specialis*). Если указанное намерение не установлено, деяние остается наказуемым, но не как геноцид. При наличии соответствующих признаков, его можно, например, квалифицировать как преступление против человечности. Так, основное различие между геноцидом и преступлениями против человечности заключается в наличии конкретного намерения физически уничтожить защищенную группу. Преступление против человечности в виде преследования предоставляет гражданским лицам защиту от дискриминации, а не уничтожения. Преступления против человечности, в отличие от геноцида, требуют связи с широкомасштабным или систематическим нападением, направленным против любого гражданского населения, а не определенных групп.

Таким образом, осуждение за геноцид возможно только в том случае, если это намерение было однозначно установлено судом. В современный период в процессе своей деятельности Международный уголовный суд руководствуется значением «конкретного намерения» (*dolus specialis*), согласно которому любые акты геноцида должны осуществляться с намерением полностью или частично уничтожить соответствующую группу.

Хотя при осуждении за совершение геноцида настаивают на обязательном наличии у преступника «конкретного намерения», это не является обязательным требованием, когда речь идет о действиях при соучастии в геноциде, таких как пособничество и подстрекательство.

Помимо самого геноцида, который определен в ст. II Конвенции о геноциде 1948 года, ст. III данной Конвенции предусматривает еще четыре формы участия в преступлении: заговор, прямое и публичное подстрекательство, покушение и соучастие. Эти являются «другими действиями», упомянутыми в ст. IV, V, VI, VII, VIII и IX.

В п.1 ст. III Конвенции о геноциде 1948 года определено, что четыре последующих «иных акта» не являются, строго говоря, «геноцидом». Можно утверждать, что это меньшие по степени тяжести преступления, и поэтому не несут того же клейма, которое прикрепляется к преступлению геноцид. Они выступают как бы формами «вторичной» ответственности и уголовное законодательство стран, как правило, предусматривают за них наказания, которые значительно меньше, чем за совершение самого геноцида. Однако, на наш взгляд, соучастие в геноциде вряд ли следует рассматривать как нечто менее серьезное, чем сам геноцид. Сообщником вполне может быть лидер, отдавший приказ совершить геноцид, тогда как «главным» преступником может быть обычный подчиненный, выполняющий указания. В этом случае вина соучастника действительно выше, чем у исполнителя.

Большинство деяний, определенных в ст. III Конвенции о геноциде 1948 года (подстрекательство, сговор и покушение) являются «начинающимися» или незавершенными деяниями и могут быть совершены даже если само основное преступление (геноцид) так и не произошло. Например, прямое и публичное подстрекательство к совершению геноцида может иметь место, даже если никто на самом деле не подстрекается к действию. В некотором смысле все акты геноцида

находятся в зачаточном состоянии: сама природа геноцида как преступления заключается в том, что он находится в зачаточном состоянии. Все пять из этих положений представляют собой ранние этапы действий, которые могут привести к исчезновению «группы» в долгосрочной перспективе. Так, в соответствии с положениями Римского статута Международного уголовного суда, нацисты совершили геноцид, когда они отнеслись к еврейскому вопросу в категорической форме, имея в виду его «окончательное решение» [Teitel, 2000, p.505].

Борьба с зарождающимися преступлениями против защищаемых Конвенцией о геноциде 1948 года групп особенно важна для пресечения геноцида в превентивном аспекте. Широкий подход к самому понятию и актам геноцида полностью соответствует духу данной Конвенции и, более того, придает смысл слову «предотвращение», которое упоминается как в названии, так и в статье I Конвенции.

Относительно «других актов» геноцида необходимо обратить внимание на подход, изложенный в ст/ III Конвенции о геноциде 1948 года и в документах Международного уголовного суда. Римский статут Международного уголовного суда и проект Кодекса преступлений против мира и безопасности объединяет «другие деяния» в общее положение, касающееся участия преступников в совершении не только геноцида, но и других преступлений, таких как преступления против человечности и военные преступления.

Полагаем, что резкое расширение понятий как военных преступлений, так и преступлений против человечности, отраженное в положениях Римского статута Международного уголовного суда, должно развеять любые сомнения относительно общей готовности охватить широкий спектр злодеяний именно посредством термина «геноцид». Считаем, что определение геноцида осталось и должно оставаться относительно стабильным именно потому, что определение преступлений против человечности так резко изменилось в последние годы. Конечно, до середины 90-х годов XX в. существовал серьезный «пробел безнаказанности», ожидавший своего устранения, и многие рассматривали расширенную концепцию геноцида как средство правовой защиты. Однако, как справедливо замечает профессор У.Шабас, в последние десятилетия именно преступления против человечности, а не геноцид, заполнили эту брешь [Schabas, 2008, p.191].

Большинство национальных уголовных кодексов делают то же самое, проводя различие между общими принципами или «общей частью» и определением отдельных преступлений или «особенной частью». Определение преступления геноцида и практика международных судов (трибуналов) по-прежнему требуют наличия общего положения, касающегося участия в соответствующей преступной деятельности. В результате возникает определенное совпадение между общим положением, касающимся участия во всех преступлениях, подпадающих под юрисдикцию законов, и специальным положением, которое применимо только к геноциду.

В статутах специальных трибуналов можно заметить предусмотренное Конвенцией о геноциде 1948 года различие между геноцидом и «другими деяниями». Однако Римский статут Международного уголовного суда не проводит такого различия. Ст. 5(1) (а) Римского статута ограничивает юрисдикцию Международного уголовного суда преступлением геноцида, не упоминая никаких «других деяний». Ст.25 Римского статута предусматривает индивидуальную уголовную ответственность за геноцид в случаях покушения, подстрекательства, сговора и соучастия. Другими словами, согласно Римскому статуту, «вторичный» преступник совершает преступление геноцида, тогда как согласно Конвенции о геноциде 1948 года и статутам специальных трибуналов он считается виновным в «ином деянии».

Следует также отметить, что ст. III Конвенции о геноциде 1948 года фиксирует сложные проблемы сравнительного уголовного права. Изложенные в нем концепции всем хорошо известны на практике, хотя их применение значительно отличается в различных национальных правовых системах. Правовые традиции стран системы общего права и континентальной правовой системы подходят к этим проблемам по-разному. Но даже внутри судебных систем одной правовой традиции различия могут быть значительными. Поэтому следует принять во внимание предостережение Международного уголовного трибунала по бывшей Югославии по «делу Анто Фурунджия» о том, что всякий раз, когда международные уголовные акты не определяют уголовно-правовые понятия, может быть сделана ссылка на утвердившиеся в национальных правовых системах положения. Судебная палата Трибунала по тому делу заявила, что «международные суды должны опираться на общие для всех основных правовых систем мира концепции и правовые институты» [The Prosecutor v. Furundžija, 1998, para.178].

Необходимо отметить, что изложение ряда положений, относящихся к квалификации некоторых из деяний, перечисленных в ст. III Конвенции о геноциде 1948 года, подробно происходит в тексте судебного решения, потому что в данной Конвенции основное внимание сосредоточено на преступлении геноцида как таковом. В контексте ответственности государств Международный Суд указал, что наряду с обвинением в совершении преступления геноцида, предусмотренного параграфом “a” ст. III, теоретически можно обвинить государство и в сговоре с целью совершения геноцида (параграф “b” ст. III), а также в прямом и публичном подстрекательстве к совершению геноцида (параграф “c” ст. III). Однако будет мало смысла в вынесении подобного судебного решения, поскольку ответственность по параграфу “a” ст. III включает в себя ответственность и по двум другим параграфам. Идея возложить на одно и то же государство ответственность путем приписывания ему актов самого «геноцида», «попытки совершить геноцид» и «соучастия» в геноциде» должны быть отвергнуты как несостоятельные и логически, и легально.

Те же соображения применимы, когда возникает индивидуальная уголовная ответственность. По сути, «иные деяния» играют второстепенную роль по сравнению с преступлением геноцида, как он определен в ст. II Конвенции о геноциде 1948 года.

Существует очевидное совпадение между определениями геноцида и преступлений против человечности, изложенными соответственно в ст. 6 и ст. 7 Римского статута Международного уголовного суда. Если обвинения выдвигаются на основании обоих положений, судьям Международного уголовного суда приходится решить, допускать ли вынесение совокупных обвинительных приговоров. В специальных трибуналах допускается выдвижение совокупных обвинений, в некоторых случаях как за геноцид, так и за преступления против человечности. Безусловно, предъявление нескольких обвинений допустимо ввиду того, что до представления всех доказательств невозможно с уверенностью определить, какое из выдвинутых обвинений будет доказано. Суд же в процессе рассмотрения соответствующего дела имеет больше возможностей на основе представленных сторонами доказательств оценить, какое из обвинений может быть сохранено.

Апелляционная палата Международного уголовного трибунала по Руанде в деле Алфреда Мусема определила, что «причины справедливости по отношению к обвиняемым и тот факт, что только отдельные преступления могут служить основанием для вынесения множественных обвинительных приговоров, приводят к выводу, что множественные уголовные обвинительные приговоры, вынесенные на основании разных положений закона, но основанные на одном и том же поведении, допустимы только если каждое соответствующее законодательное положение имеет существенно отличающийся элемент, не содержащийся в другом» [The Prosecutor v.

Alfred Musema, para 361]. Элемент считается «существенно отличным», если он требует доказательства факта, не требуемого другим преступлением.

Осуждение за геноцид предполагает доказательства намерения уничтожить, полностью или частично расовую, этническую, национальную или религиозную группу, тогда как преступление против человечности, заключающееся в истреблении, требует доказательства, что преступление было совершено в рамках широкомасштабного нападения на гражданское население. Апелляционная палата Международного трибунала по бывшей Югославии поддержала и развила этот вывод по делу Крстича, отменив решение Судебной палаты, которая отказалась вынести совокупные обвинительные приговоры за геноцид и преступления против человечности, поскольку та посчитала, что «и то, и другое требует, чтобы убийства были частью обширного плана по уничтожению значительной части гражданского населения» [The Prosecutor v. Krstić, 2001, §580].

Большинство авторов сходятся на мнении, что несмотря на совпадение геноцида и этнической чистки, эти две концепции имеют важное различие в цели: геноцид направлен на уничтожение определенной группы, тогда как этническая чистка направлена на создание этнически однородной географической области [Heiskanen, 2021, p.6].

Попытка провести различие между этнической чисткой и геноцидом в свое время было предпринято Международным Судом ООН, когда к постановлению соответствующего Суда о временных мерах от 13 сентября 1993 года судья Лаутерпахт приложил отдельное мнение, где заметил, что «принудительная миграция гражданского населения, более известная как «этническая чистка», явилась частью преднамеренной кампании сербов по устранению мусульманского контроля и присутствия на значительной части территории Боснии и Герцеговины» [Schabas, 2009, p.231]. Когда Суд вернулся к этому вопросу в 2007 году, он заявил, что этническая чистка может быть только формой геноцида, если она соответствует или подпадает под одну из категорий деяний, запрещенных статьей II Конвенции о геноциде 1948 года [Schabas, 2009, p.232]. Суд определил, что намерение, которое характеризует геноцид, состоит в том, чтобы полностью или частично уничтожить определенную группу, а депортация или перемещение членов группы, даже если оно произведено с применением силы, не обязательно эквивалентно уничтожению этой группы, равно как и разрушение, которое является автоматическим последствием перемещения [Bosnia and Herzegovina v. Yugoslavia, 2007, para.190]. Суд признал, что определенные действия, квалифицируемые как «этническая чистка», могут соответствовать действиям, запрещенным Конвенцией, приведя в качестве примера прямое причинение группе условий жизни, рассчитанных на полное или частичное ее физическое уничтожение [Bosnia and Herzegovina v. Yugoslavia, 2007, para.190]. Суд с одобрением процитировал заявление Судебной палаты Международного уголовного трибунала по бывшей Югославии по делу Стакич, что «необходимо провести четкое различие между физическим уничтожением и простым изгнанием группы, так как изгнание группы или части группы само по себе недостаточно для геноцида» [The Prosecutor v. Milomir Stakic, 2003, para.519]. Таким образом, Суд определил, что «приравнивание конкретной операции, определенной как «этническая чистка», к геноциду, зависит от наличия или отсутствия действий, перечисленных в статье II Конвенции о геноциде 1948 года и намерения уничтожить группу как таковую. Фактически, в контексте указанной Конвенции термин «этническая чистка» не имеет собственного юридического значения» [The Prosecutor v. Milomir Stakic, 2003, para.519].

В этой связи следует привести авторитетное определение этнической чистки, данное в Докладе Комиссия экспертов ООН от 10 февраля 1993 г., как «превращение

территории в этнически однородную путем применения силы или запугивания с целью выдворения лиц из определенных групп с местности» [Interim Report of the Commission of Experts Established Pursuant to Security Council Resolution 780 (1992), para.55]. Как представляется, данное определение удачно отличает этническую чистку от геноцида, хотя и в размытой форме. Такой подход соответствует и современному состоянию правовой доктрины, где наблюдаются попытки стереть грань между этими двумя понятиями.

3. Заключение

Таким образом, «этническая чистка» может включать в себя некоторые действия, запрещенные ст. II Конвенции о геноциде 1948 года. В той степени, в которой они совершаются с намерением геноцида, они представляют собой акты геноцида. Однако эта линия рассуждений не очень продуктивна, поскольку, по сути, то же самое можно сказать и о других нарушениях международного права, таких как как апартеид, агрессивная война, колониализм или использование оружия массового уничтожения. Любое из этих явлений может включать в себя «убийство», «причинение серьезного телесного или психического вреда» и даже «предотвращение деторождения» внутри группы. Они также могут быть приравнены к геноциду, если связаны с намерением уничтожить группу. Но, похоже, совершенно бесполезно запутывать дискуссии об апартеиде, агрессивной войне или колониализме, предполагая, что в некоторых случаях они также могут быть геноцидными. У каждого есть свое «конкретное намерение», заложенное в самой концепции. То же самое можно сказать и об «этнической чистке», намерением или целью которой является «насильственное перемещение», а не «физическое уничтожение» [Schabas, 2009, p.233].

Следует заметить, что концепция «этнической чистки» никогда не фигурировала ни в одном из дел Международного уголовного трибунала по Руанде. Доводы в пользу полномасштабного геноцида были слишком очевидны. Без сомнения, более ранние зверства, совершенные в течение долгой истории постколониального этнического конфликта в Руанде, могут соответствовать этому термину. То же самое нельзя сказать о Международном трибунале по бывшей Югославии, где дискуссии о том, является ли «этническая чистка» геноцидом, были центральными во многих делах, а также в политических дебатах. В первые годы своей деятельности Международный трибунал по бывшей Югославии был крайне осторожен в предъявлении обвинения в геноциде. Обвинитель рассматривал акты этнической чистки, осуществленные режимом Милошевича в Косово в начале 1999 года, как «депортация» и «преследование», оба из которых относятся к общей категории преступлений против человечности [The Prosecutor v. Milosevic, 1999]. Судьи Трибунала не всегда были столь сдержанными при квалификации совершенных злодеяний. Например, при подтверждении обвинительного заключения по Сребренице в деле Караджича и Младича судья Риад назвал «этническую чистку» формой геноцида [The Prosecutor v. Karadzic]. Аналогичная точка зрения была принята Судебной палатой в ее решении по Правилу 61 в деле Николича [The Prosecutor v. Nikolic, 1995]. Но это были ранние постановления, и вскоре Палаты стали более осторожно относиться к приравниванию геноцида и этнических чисток. В решении Тадича Судебная палата при описании ужасов этнических чисток, но не стеснялась использовать слово «геноцид» [The Prosecutor v. Tadic, 1994]. Судебная палата Трибунала в деле Сикирицы отметила нехватку доводов, подтверждающих обвинение в геноциде и тот факт, что практически все обвинения были связаны с «этнической чисткой». Судебная палата, судя по всему, сочла, что «этническую

чистку» лучше описать в рамках преступления против человечности, заключающегося в преследовании [The Prosecutor v. Sikirica, 2001, para.90].

В отчете Комиссии экспертов, назначенной в 1992 году Резолюцией 780 Совета Безопасности ООН, указывается, что «этническая чистка» противоречит международному праву» и в некоторых случаях может рассматриваться как нарушение Конвенции о геноциде 1948 года, как в бывшей Югославии, где «этническая чистка» проводилась посредством убийств, пыток, внесудебных казней, изнасилований и сексуальных посягательств, насильственного перемещения гражданского населения, преднамеренного военного нападения на гражданские лица, а также бессмысленного уничтожения имущества. Такая практика представляет собой преступления против человечности и может быть приравнена к конкретным военным преступлениям. Перечисленные преступные действия также могут подпадать под смысл ст. III Конвенции о геноциде 1948 года [Interim Report of the Commission of Experts Established Pursuant to Security Council Resolution 780 (1992), para.55].

ЛИТЕРАТУРА

1. Harff, B. (1984). *Genocide and human rights: International legal and political issues*. Denver: Graduate School of International Studies, 102 p.
https://books.google.az/books/about/Genocide_and_Human_Rights.html?id=x3FnAA_AAMAAJ
2. Horowitz, I. L. (1980). *Taking lives: Genocide and state power*. New Brunswick: Transaction Books, 199 p.
3. Питулько, К. В., Горбатова, М. А., Ксендзов, Ю. Ю., & Мартыненко, С. Б. (2024). Геноцид как международное преступление: вопросы квалификации. *Право и управление*, (11), 37–42.
4. Байрамов, Ф. Д., & Воронцов, В. М. (2024). Проблемы качественных изменений форм геноцида с точки зрения международно-правового и российского законодательства. *Право и государство: теория и практика*, (1), 109–112.
5. Бадамшин, И. Д., & Степанов, Г. В. (2015). К вопросу об объекте геноцида. *Евразийский союз ученых*, (2), 155–156
6. Quigley, J. (2006). *The Genocide Convention: An international law analysis*. Aldershot: Ashgate Publishing Ltd., 301 p.
7. Lambrecht, C. W. (1999). *Grappling with the concept of genocide*. New Haven: Yale Center for International and Area Studies, 1–17.
8. Jones, A. (2006). *Genocide: A comprehensive introduction*. Psychology Press, 430 p.
9. Straus, S. (2010). Political science and genocide. In D. Bloxham & A. D. Moses (Eds.), *The Oxford handbook of genocide studies*. New York: Oxford University Press, 163–181.
10. Krain, M. (2000). Democracy, internal war, and state-sponsored mass murder. *Human Rights Review*, 1(1), 40–48.
11. Harff, B. (2003). No lessons learned from the Holocaust? Assessing risks of genocide and political mass murder since 1955. *American Political Science Review*, 97(1), 57–73.
12. Valentino, B. A. (2004). *Final solutions: Mass killing and genocide in the twentieth century*. Ithaca: Cornell University Press, 309 p.
13. Jonassohn, K., & Chalk, F. (1987). A typology of genocide and some implications for the human rights agenda. *Genocide and the Modern Age: Etiology and Case Studies of Mass Death*, 3(4), 3–20.
14. Порецкова, А. А. (2016). Эффективность международного уголовного суда в решении проблем, связанных с геноцидом: взгляд со стороны

- институционального либерализма. *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*, (9), 155–171.
15. Akhavan, R. (2012). *Reducing genocide to law: Definition, meaning and the ultimate crime*. Cambridge: Cambridge University Press, 210 p.
 16. Schabas, W. A. (2006). The “odious scourge”: Evolving interpretations of the crime of genocide. *Genocide Studies and Prevention: An International Journal*, 1(2), 93–106.
 17. Lemkin, R. (1944). *Axis rule in occupied Europe: Laws of occupation, analysis of government, proposals for redress*. Washington: Carnegie Endowment for International Peace, 674 p.
 18. Werle, G. (2005). *Principles of international criminal law*. The Hague: T. M. C. Asser Press, 508 p.
 19. Broadhead, S. (2024). The conventional definition of genocide. *Journal of Administrative Sciences*, 4(1), 90–102. <https://doi.org/10.54201/iajas.v4i1.117>
 20. Saul, B. (2001). Was the conflict in East Timor “genocide” and why does it matter? *Melbourne Journal of International Law*, 2(2), 477–522.
 21. Ambos, K. (2009). What does “intent to destroy” in genocide mean? *International Review of the Red Cross*, 91(876), 833–858.
 22. *The Prosecutor v. Krstić*, Case No. IT-98-33-T, Trial Chamber Judgment, International Criminal Tribunal for the Former Yugoslavia (ICTY), 2 August 2001, §580.
 23. Кошкин, Н. С. (2022). *Уголовная ответственность за геноцид и иные массовые репрессии* (Дис. канд. юрид. наук). Екатеринбург, 266 с.
 24. Лобунец, Е. С., & Усова, Е. И. (2024). Особенности уголовной ответственности за геноцид. *Право и государство: теория и практика*, (5), 386–388.
 25. Григорьева, М. К. (2023). Насильственное воспрепятствование деторождению и принудительная передача детей в контексте содержания объективной стороны преступления «геноцид». *Правопорядок: история, теория и практика*, (4), 63–68.
 26. Schabas, W. A. (2004). *An introduction to the International Criminal Court* (2nd ed.). Cambridge: Cambridge University Press, 481 p.
 27. Teitel, R. (2000). The International Criminal Court: Contemporary perspectives and prospects for ratification. *New York Law School Journal of Human Rights*, 16, 505–551.
 28. Schabas, W. A. (2008). Genocide law in a time of transition: Recent developments in the law of genocide. *Rutgers Law Review*, 61, 161–192.
 29. *The Prosecutor v. Furundžija*, Case No. IT-95-17/1-T, Judgment, International Criminal Tribunal for the Former Yugoslavia (ICTY), 10 December 1998, para.178.
 30. *The Prosecutor v. Alfred Musema*, Case No. ICTR-96-13-A, Appeal Judgment, International Criminal Tribunal for Rwanda (ICTR), 16 November 2001, para. 361.
 31. Heiskanen, J. (2021). In the shadow of genocide: Ethnocide, ethnic cleansing and international order. *Global Studies Quarterly*, (1), 1–10.
 32. Schabas, W. A. (2009). *Genocide in International Law: The Crime of Crimes* (2nd ed.). Cambridge: Cambridge University Press, 741 p.
 33. *Bosnia and Herzegovina v. Yugoslavia (Serbia and Montenegro)*, Judgment, International Court of Justice (ICJ), 26 February 2007, para.190.
 34. *The Prosecutor v. Milomir Stakić*, Case No. IT-97-24-T, Judgment, ICTY, 31 July 2003, para.519.
 35. *Interim Report of the Commission of Experts Established Pursuant to Security Council Resolution 780 (1992)*, UN Doc. S/25274, 26 January 1993, note 281 above, para. 55.
 36. *The Prosecutor v. Milošević*, Case No. IT-99-37-I, Indictment, ICTY, 22 May 1999.
 37. *The Prosecutor v. Karadžić*, Case No. IT-95-18-I, Confirmation of Indictment, ICTY.
 38. *The Prosecutor v. Nikolić*, Case No. IT-95-2-R61, ICTY, 9 October 1995.
 39. *The Prosecutor v. Tadić*, Case No. IT-94-1-I, Application for a Formal Request for Deferral, ICTY, 8 November 1994.

40. *The Prosecutor v. Sikirica*, Case No. IT-95-8-I, Judgment on Defence Motions to Acquit, ICTY, 3 September 2001, para.90.

REFERENCES

1. Harff, B. (1984). *Genocide and human rights: International legal and political issues*. Denver: Graduate School of International Studies. 102 p.
https://books.google.az/books/about/Genocide_and_Human_Rights.html?id=x3FnAA_AAMAAJ (in English)
2. Horowitz, I. L. (1980). *Taking lives: Genocide and state power*. New Brunswick: Transaction Books, 199 p. (in English)
3. Pitulko, K. V., Gorbatova, M. A., Ksendzov, Yu. Yu., & Martynenko, S. B. (2024). Genocide as an international crime: Issues of qualification. *Law and Governance*, (11), 37–42. (in Russian)
4. Bajramov, F. D., & Vorontsov, V. M. (2024). Problems of qualitative changes in forms of genocide from the perspective of international legal and Russian legislation. *Law and State: Theory and Practice*, (1), 109–112. (in Russian)
5. Badamshin, I. D., & Stepanov, G. V. (2015). On the issue of the object of genocide. *Eurasian Union of Scientists*, (2), 155–156. (in Russian)
6. Quigley, J. (2006). *The Genocide Convention: An international law analysis*. Aldershot: Ashgate Publishing Ltd, 301 p. (in English)
7. Lambrecht, C. W. (1999). *Grappling with the concept of genocide*. New Haven: Yale Center for International and Area Studies, 1–17. (in English)
8. Jones, A. (2006). *Genocide: A comprehensive introduction*. Psychology Press. 430 p. (in English)
9. Straus, S. (2010). Political science and genocide. In D. Bloxham & A. D. Moses (Eds.), *The Oxford handbook of genocide studies*. New York: Oxford University Press, 163–181. (in English)
10. Krain, M. (2000). Democracy, internal war, and state-sponsored mass murder. *Human Rights Review*, 1(1), 40–48. (in English)
11. Harff, B. (2003). No lessons learned from the Holocaust? Assessing risks of genocide and political mass murder since 1955. *American Political Science Review*, 97(1), 57–73. (in English)
12. Valentino, B. A. (2004). *Final solutions: Mass killing and genocide in the twentieth century*. Ithaca: Cornell University Press, 309 p. (in English)
13. Jonassohn, K., & Chalk, F. (1987). A typology of genocide and some implications for the human rights agenda. *Genocide and the Modern Age: Etiology and Case Studies of Mass Death*, 3(4), 3–20. (in English)
14. Poretskova, A. A. (2016). The effectiveness of the International Criminal Court in addressing problems related to genocide: An institutional liberalism perspective. *Contours of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, (9), 155–171. (in Russian)
15. Akhavan, P. (2012). *Reducing genocide to law: Definition, meaning and the ultimate crime*. Cambridge: Cambridge University Press, 210 p. (in English)
16. Schabas, W. A. (2006). The “odious scourge”: Evolving interpretations of the crime of genocide. *Genocide Studies and Prevention: An International Journal*, 1(2), 93–106. (in English)
17. Lemkin, R. (1944). *Axis rule in occupied Europe: Laws of occupation, analysis of government, proposals for redress*. Washington: Carnegie Endowment for International Peace, 674 p. (in English)
18. Werle, G. (2005). *Principles of international criminal law*. The Hague: T. M. C. Asser Press, 508 p. (in English)

19. Broadhead, S. (2024). The conventional definition of genocide. *Journal of Administrative Sciences*, 4(1), 90–102. <https://doi.org/10.54201/iajas.v4i1.117> (in English)
20. Saul, B. (2001). Was the conflict in East Timor “genocide” and why does it matter? *Melbourne Journal of International Law*, 2(2), 477–522. (in English)
21. Ambos, K. (2009). What does “intent to destroy” in genocide mean? *International Review of the Red Cross*, 91(876), 833–858. (in English)
22. *The Prosecutor v. Krstić*, Case No. IT-98-33-T, Trial Chamber Judgment, International Criminal Tribunal for the Former Yugoslavia (ICTY), 2 August 2001, §580. (in English)
23. Koshkin, N. S. (2022). *Criminal responsibility for genocide and other mass repressions* (Candidate of Legal Sciences dissertation). Ekaterinburg. 266 p. (in Russian)
24. Lobunets, E. S., & Usova, E. I. (2024). Features of criminal responsibility for genocide. *Law and State: Theory and Practice*, (5), 386–388. (in Russian)
25. Grigoryeva, M. K. (2023). Forced obstruction of childbearing and forced transfer of children in the context of the objective side of the crime “genocide.” *Law and Order: History, Theory and Practice*, (4), 63–68. (in Russian)
26. Schabas, W. A. (2004). *An introduction to the International Criminal Court* (2nd ed.). Cambridge: Cambridge University Press, 481 p. (in English)
27. Teitel, R. (2000). The International Criminal Court: Contemporary perspectives and prospects for ratification. *New York Law School Journal of Human Rights*, 16, 505–551. (in English)
28. Schabas, W. A. (2008). Genocide law in a time of transition: Recent developments in the law of genocide. *Rutgers Law Review*, 61, 161–192. (in English)
29. *The Prosecutor v. Furundžija*, Case No. IT-95-17/1-T, Judgment, International Criminal Tribunal for the Former Yugoslavia (ICTY), 10 December 1998, para.178. (in English)
30. *The Prosecutor v. Alfred Musema*, Case No. ICTR-96-13-A, Appeal Judgment, International Criminal Tribunal for Rwanda (ICTR), 16 November 2001, para. 361. (in English)
31. Heiskanen, J. (2021). In the shadow of genocide: Ethnocide, ethnic cleansing and international order. *Global Studies Quarterly*, (1), 1–10. (in English)
32. Schabas, W. A. (2009). *Genocide in international law: The crime of crimes* (2nd ed.). Cambridge: Cambridge University Press, 741 p. (in English)
33. *Bosnia and Herzegovina v. Yugoslavia (Serbia and Montenegro)*, Judgment, International Court of Justice (ICJ), 26 February 2007, para.190. (in English)
34. *The Prosecutor v. Milomir Stakić*, Case No. IT-97-24-T, Judgment, ICTY, 31 July 2003, para.519. (in English)
35. *Interim Report of the Commission of Experts Established Pursuant to Security Council Resolution 780 (1992)*, UN Doc. S/25274, 26 January 1993, note 281 above, para. 55. (in English)
36. *The Prosecutor v. Milošević*, Case No. IT-99-37-I, Indictment, ICTY, 22 May 1999. (in English)
37. *The Prosecutor v. Karadžić*, Case No. IT-95-18-I, Confirmation of Indictment, ICTY. (in English)
38. *The Prosecutor v. Nikolić*, Case No. IT-95-2-R61, ICTY, 9 October 1995. (in English)
39. *The Prosecutor v. Tadić*, Case No. IT-94-1-I, Application for a Formal Request for Deferral, ICTY, 8 November 1994. (in English)
40. *The Prosecutor v. Sikirica*, Case No. IT-95-8-I, Judgment on Defence Motions to Acquit, ICTY, 3 September 2001, para.90. (in English)